

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА В ДИСКУССИИ О РЕВИЗИОНИЗМЕ

I. В последние годы XIX в. Плеханов часто обращался к гносеологическим темам, противопоставляя свою теорию познания известной "ревизионистской" теоретической предпосылке марксизма, которую Э. Бернштейн и другие немецкие социал-демократы представили международному вниманию. Несмотря на всё разнообразие течений, ревизионисты сходились в лозунге "назад к Канту" — и в этике, и в теории познания. Писалось довольно много об этических дебатах в тогдашнем марксизме, и очень мало — о том, что Франц Штаудингер называл "спором о "вещи в себе"". Цель доклада — выяснить, какие элементы гносеологической мысли Г.В. Плеханова развивались в течение и по причине его полемики с немецкими ревизионистами. Это исследование имеет, конечно, чисто исторический интерес: речь идёт не об установлении правоты или ошибочности тех или других плехановских положений, но лишь об установлении отдельного момента развития плехановских воззрений на фоне конкретного исторического периода. Из-за ограниченности места приходится пропускать в настоящих тезисах рассмотрение общего исторического контекста.

II. В своей полемике с Бернштейном Плеханов сначала старался определить понятие материализма с исторической и теоретической точек зрения. С этой целью он исследовал историю материализма, уделяя особое внимание "основному вопросу философии": соотношению мысли и бытия, материи и "духа". Бернштейн критиковал "чистый или абсолютный материализм", противопоставляя кантовское воззрение — вульгарному отождествлению мысли с бытием. Но, по мнению Плеханова, разница между материализмом и кантианством заключается не в признании каких-либо границ познания, а в противопоставлении монизма дуализму. Материализм последовательно объясняет целый мир одним принципом /материей/, являясь, таким образом, настоящим монизмом; между тем как кантианство противоречит самому себе, признавая теологические и спиритуалистические принципы. По мнению Плеханова, Бернштейн путал склонность монистическому объяснению явлений, одинаково свойственную и материализму, и идеализму, с отождествлением бытия с мыслью, свойственным исключительно идеализму.

III. Статья Я. Штерна, на которую ссылался сам Бернштейн, побуждала Плеханова к сравнению своих мнений со взглядами Спинозы. Штерн выразил убеждение, что философской основой марксизма является

naturphilosophischer Materialismus⁶⁰ от Демокрита - к Бюхнеру и Фогту. Так как закономерность всех событий представляет собой неизбежную предпосылку исторического материализма, Штерн советовал марксистам искать её основание не в каком-нибудь "натурализме", а лучше - в монизме Спинозы. Плеханов более мирился с предложением "возврата к Спинозе", чем с вызовом "назад к Канту". Он просто возражал Штерну, что марксизм сам по себе является "разновидностью" спинозизма. Как хорошо известно, Плеханов истолковывал всю историю материализма с этой точки зрения, чем вызывал острую полемику среди современников. Это цель была ясна: показать, что материализм не отождествляет психическое и физическое, отрицая их специфические особенности, как думали ревизионисты, но считает мышление свойством организованной материи и устанавливает между "мышлением" и "протяженностью" то же самое строгое "соответствие", какое устанавливал между ними Спиноза.

IV. Проблема правильного понимания кантианства и материализма являлась центром спора Плеханова с К. Шмидтом. Плеханов считал, что основное противоречие кантианства заключается в самом понятии "явления" как "состояния нашего сознания, вызываемого воздействием на нас "вещей в себе". Причём к "вещи в себе" применяется феноменологическая категория причинности. Более того, скрыто признаётся познавательность свойств ноумена, так как его свойства являются именно этой способностью воздействия на познающего субъекта. Плеханов видит только два возможных выхода из противоречий кантианства: идеализм и материализм. Первый неизбежно ведёт к солипсизму, а второй, отнюдь не являясь какой-нибудь "метафизикой тождества", показался Плеханову самым лучшим и последовательным выводом самого кантианства.

V. В дискуссии с Плехановым о немецком ревизионизме принимали участие и некоторые теоретики русского происхождения. А. Волен, бывший последователь Плеханова, выступал в немецкой прессе с резкой критикой плехановского взгляда на "вещь в себе". Плеханов считал её действительностью, между тем как Волен полагал, что ноумен - чисто отрицательное понятие. При этом Волен старался доказать, что гегелевская критика "вещи в себе" в конце концов смыкается с кантовским понятием. Но Плеханов ссылаясь на ту же критику, чтобы решительно противопоставить "гениального старика" Гегеля "опасному" Канту. Слишком огорчённый и занятый, чтобы лично ответить Волену, Плеханов поручил эту задачу своему верному стороннику Л.И. Аксельрод. Она написала статью, к сожалению утраченную, но из её тогдашней переписки с Г.В. Плехановым можно заключить, какие доводы он ей подска-

знава́ против "изменника" Водена. Во-первых, нужно было подтвердить кардинальное различие между Гегелем и Кантом в следующем: по мнению первого, мир познаваем, по мнению второго - нет. Во-вторых, с марксистской точки зрения, единственное возможное значение понятия "Grenzbegriff" - предел всего того, что до сих пор неизвестно. Это - конкретно-историческое понятие, т. е. изменчивое во времени. Кант, наоборот, взял это за непоколебимую основу познания. Л. Аксельрод полагала, что главной причиной кантовских ошибок была его теория ощущения: Кант разорвал субъект и объект, вместо того, чтобы их связать, и поставил между ними ощущение "как непреодолимую преграду". Л.И. Аксельрод, вместе с Плехановым, защищала теорию необходимого соответствия субъекта и объекта.

VI. К дальнейшему исследованию вопроса о "ответствии" и "отражении" Плеханова побудил Х. Житловский, который также выступал в немецкой прессе в споре о ревизионизме. Он считал, что убеждение в существовании объективных "естественных законов" несовместимо с диалектическим воззрением о противоречивости действительности. Плеханов, возражая ему, указывал, что познаваемые противоречия являются "отражениями" противоречий реальных, объективных. Противоречивое единство противоположных моментов в понятии не представляет собой логической бессмыслицы именно потому, что эти самые моменты верно соответствуют объективным противоречиям. Плехановский взгляд на "понятие" как "отражение" не противоречит его "теории соответствия", "теории иероглифов".

VII. Это беглое рассмотрение плехановских гносеологических взглядов в конце XIX в. выявляет два интересных момента:

I. Ясным оказывается, что Плеханов, по мнению которого теоретическая чистота и ортодоксальность марксизма были основной гарантией его успеха, считал ревизионизм тяжелейшей угрозой. В этом контексте проблема познания представляла собой решающий момент. Во второй половине XIX в. в России и народничество, и марксизм занимались этим вопросом, подводя различные итоги. Представители того и другого течения признавали, что благодаря знанию становится возможным предвидеть будущие явления и направлять свою деятельность на основании этих предвидений. Но они придавали совсем разное значение роли целей в истории. Народники думали, что только субъект может и должен поставить перед собой цель, согласно своим взглядам и этическому выбору. Плеханов, убежденный в "научной" верности исторического материализма, наоборот, считал, что субъект должен каждый раз поймать доступные возможности политической деятельности, между тем как само историческое развитие объективно ставит общие цели истории. С этой

точки зрения, ревизионизм показался Плеханову особенно опасным, так как это воззрение, родившееся внутри самого марксизма, подрывало гносеологический монизм последнего и тем самым пробивало дорогу кантианской этике.

2. Если иметь в виду разницу между плехановской теорией соответствия и "теорией отражения", какой она оказывается, в частности, в спорах с Шмидтом и Житловским, можно сделать некоторые заключения по поводу плехановского взгляда на роль диалектики в познании. По его мнению, всякое знание является изоморфическим описанием процессов и составных частей действительности. Поэтому диалектика должна быть методом познания. В отличие от "метафизического" интеллектуализма, диалектика может считаться с противоречиями и "скачками" действительности. Но, несмотря на эти размышления, Плеханов, обсуждая процесс познания, часто сводит диалектику к простому взаимоотношению субъекта и объекта, а не к настоящему гегелевскому *Vermittlung*: субъект и объект оказываются данными независимо от их взаимоотношения. Таким образом, выявляется именно то "натуралистическое" и метафизическое воззрение, которое Плеханов хотел бы отвергнуть, но оно, вопреки его воле, "процеживалось" посредством его отправных точек зрения в философии и науке, посредством характеристик его "позитивистского" марксизма.